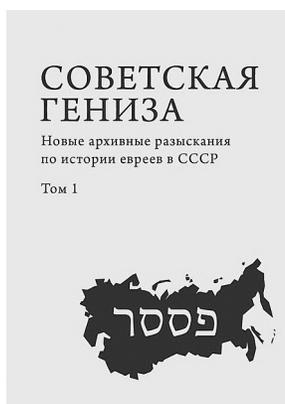

Непрощенное прошлое

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_351

Советская гениза: новые архивные разыскания по истории евреев в СССР. Т. 1 / Сост. и отв. ред. Г. Эстрайх, А. Френкель.

Бостон: Academic Studies Press; СПб.: БиблиоРоссика, 2020. — 544 с.

Иудаизм запрещает выбрасывать религиозные тексты и религиозную утварь (которая тоже, как правило, содержит надписи), чтобы не осквернять имя Божие. Поэтому вышедшие из употребления свитки Торы, книги и ритуальные предметы складывают в специальное хранилище, откуда уже больше никогда не достают — ну разве что для того, чтобы перезахоронить на кладбище. Такое хранилище и называется генизой. Дальше — больше. Стоит войти во вкус «невыбрасывания», и становится понятно, что любой текст (хоть частное письмо, хоть финансовый документ), написанный еврейскими буквами, тоже — путем перестановок — может содержать Божественные имена. Поэтому он тоже отправляется в генизу. Самая знаменитая гениза —

Каирская. В синагоге города Фустата (Старого Каира) с конца IX до конца XIX в. слой за слоем скапливались рукописи — скапливались, пока не стали достоянием исследователей. находка в каирской синагоге полностью изменила представления ученых о религиозной, социальной, экономической жизни евреев (и не только) в странах средневекового Средиземноморья, а слово «гениза» стало символом научного переворота в иудаике. Таким образом, амбициозное название нового издания сразу намекает: его авторы и составители намерены не просто дополнить наши знания по истории советского еврейства, но и кардинально их трансформировать.

Однако слово «гениза» имеет и еще один смысловой оттенок. Содержимое генизы бесповоротно вышло из употребления и представляет собой по существу «священный мусор» — нечто почтенное, но безнадежно не пригодное ни на что. Не есть ли это универсальная метафора всего — давнего и недавнего — советского прошлого?

Первый том продолжающегося сборника «Советская гениза» включает шесть статей, подробно анализирующих тот или иной исторический эпизод, причем каждая опирается на опубликованные вслед за ней документы. Разнообразием тематики и разнородностью представленных архивных материалов сборник и в самом деле напоминает настоящую генизу: тот, кто в ней роется, никогда не знает, что выгащит: печатную книгу или рукопись, обрывок или целый манускрипт, молитвенник или сборник стихов неизвестного поэта. Впрочем, в любой генизе есть хронологический порядок: документы, как геологические отложения, накапливались слой за слоем. В «Советской генизе» все так же, как в Каирской, только порядок обратный — от более ранних эпизодов к более поздним.

Открывает сборник статья *Виктории Герасимовой* (Омск) «Советизация сибирского еврейства: случай Омска», посвященная преимущественно 1920-м гг.

Герасимова показывает, как у советской власти — в силу ее догматизма — не находится инструментов для осмысленного национального строительства на «еврейской улице» за пределами бывшей черты оседлости. Старые институциональные формы общинной самоорганизации — культурно-образовательные и благотворительные учреждения, национальные политические партии — вскоре после революции были, естественно, упразднены. Новые формы (евсекции, школы с преподаванием на идише, еврейские колхозы), рассчитанные на компактные массы еврейского населения Западного края, но механически перенесенные в крупный сибирский город со значительным, в основном русскоязычным, еврейским населением, быстро проявили свою непригодность, что стало особенно очевидным, когда Омск покинули беженцы из «черты», попавшие на берега Иртыша во время Первой мировой войны. Советская национальная политика, формируемая сверху в соответствии с умозрительными схемами, на сибирской почве приобрела отчетливо гротескный характер.

Работа *Ефима Меламеда* (Киев) «Как был уничтожен “венец еврейской культуры”: еврейские ученые Киева накануне и во время Большого террора» явилась, к сожалению, прощальным поклоном этого видного ученого-архивиста его друзьям и коллегам. Жизнь Меламеда оборвала пандемия COVID-19 — и это не только человеческая потеря, но и огромная профессиональная утрата для цеха исследователей еврейской истории и культуры. Речь в статье идет о ликвидации в середине 1930-х гг. киевского Института еврейской пролетарской культуры (ИЕПК), существовавшего в системе Всеукраинской академии наук. Выявленные документы свидетельствуют, что закрытие ИЕПК, крупнейшего в Советском Союзе еврейского научного центра, являлось отнюдь не следствием государственного антисемитизма (до него было еще далеко), а результатом изменения советской национальной политики в целом и проявлением начинающихся политических чисток. Анализ механизма сокрушительных административных решений позволяет понять те условия, в которых тем не менее продолжала функционировать (и вполне продуктивно!) советская еврейская культура в предвоенные годы. Кроме того, статья уточняет подробности (часто трагические) биографий многих еврейских филологов, лингвистов, фольклористов, историков, работавших в тот период на Украине. Сравнительно новая тема — «История советской академической иудаики» — справедливо становится все более востребованной. Перед нами — значимый вклад в ее разработку.

Обстоятельная, самая объемная в сборнике статья *Александра Иванова* (Санкт-Петербург) «В поисках нового человека на берегах Биры и Биджана»: Еврейская секция Государственного музея этнографии в Ленинграде (1937—1941)» примыкает к работе его покойного киевского коллеги как хронологически (ИЕПК закрыли в 1936 г., Еврейскую секцию ГМЭ открыли в 1937-м), так и тематически. Речь идет о важнейшем музейном проекте, осуществленном в СССР в последние годы перед началом войны, а именно о масштабной выставке «Евреи в царской России и в СССР», открытой в ГМЭ в 1939-м. История секции и выставки погружена Ивановым в обширный идеологический и политический контекст. Им детально проанализировано, как марксистские дискуссии «на этнографическом фронте» повлияли на развитие советской еврейской этнографии и как возникновение Еврейской автономной области на Дальнем Востоке подтолкнуло музей к созданию сначала отдельной Еврейской секции, а затем и выставки. Впервые показано, какую роль в появлении секции сыграл выдающийся востоковед Дмитрий Позднеев (1865—1937), павший жертвой Большого террора. С неизбежностью имя Позднеева оказалось впоследствии в тени имен его молодых сподвижников, в первую очередь возглавившего секцию этнографа Исаия Пульнера (1900—1942). В статье рассмот-

рена и удивительная эпопея этнографической экспедиции ГМЭ в Биробиджан, завершившаяся очевидной неудачей. Наконец, благодаря работе Иванова многое становится понятно в истории выставки «Евреи в царской России и в СССР», наглядно воплотившей идеи национальной политики партии по отношению к евреям и, в частности, идею своеобразной «биробиджанизации» советского еврейства. Впечатляюще выглядят приложенные к статье документы, прежде всего стенограмма лекции для экскурсоводов, прочитанной на экспозиции в ГМЭ религиоведом Михаилом Шахновичем (1911—1992), — лекция, которая в некотором смысле представляет собой квинтэссенцию всей идеологически выверенной довоенной концепции «нового советского еврейства».

Последний в сталинскую эпоху всплеск еврейской политической и неотделимой от нее культурной активности связан с возникновением в годы Великой Отечественной войны Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и его газеты «Эйникайт» («Единение»). Работа *Геннадия Эстрайха* (Нью-Йорк) «Смертельно опасное национальное единение: Еврейский антифашистский комитет в СССР: полномочия, превышение полномочий, судьба» позволяет увидеть недолгую жизнь ЕАК в двойной — еврейской и советской — исторической перспективе. Особое внимание уделяется обсуждению причин жестокой ликвидации комитета, ставшей практически неизбежной после образования Государства Израиль и начала холодной войны. Как всегда, наиболее сильное впечатление производят документы, особенно письма в редакцию «Эйникайт» советских людей — евреев и неевреев, поддерживавших борьбу Израиля за независимость и роль советского правительства в его основании. Стоит взглянуть на эти письма, и сразу становится очевидным: дни ЕАК и его руководителей были сочтены.

Вероятно, самые необычные документы в сборнике «Советская гениза» — это письма на иврите, отправленные биробиджанцем Иегудой Гельфманом в период ранней оттепели лингвисту Иосифу Черняку. О чем только не пишет биробиджанский «гебраист» своему другу, недавно освободившемуся из ГУЛАГа: о своей непростой биографии, о бытовых проблемах, о положении местных еврейских литераторов, о средневековой еврейской литературе, об идейных баталиях начала XX в. между сторонниками идиша и иврита, о творчестве «наших классиков на обоих языках», о произведениях русских писателей, о прочитанном в «Литературной газете» и толстых русских журналах. Письма перевел на русский язык, прокомментировал и снабдил предисловием израильский филолог и историк *Бер Котлерман*. Его публикация «“Останови руку твою!”: письма на иврите из Биробиджана, год 1958-й» переводит повествование в регистр микроистории и в очередной раз размывает миф о советских евреях как «евреях молчания». Вдруг начинает всплывать, становится видимой подводная часть айсберга: существенная часть евреев в СССР жила интенсивной национальной жизнью, практически не замечавшейся ни властями, ни — до последнего времени — исследователями. Между тем существовало множество разнонаправленных форм такой жизни: от землячеств, занимавшихся увековечиванием памяти жертв Холокоста на своей малой родине, до групп любителей иврита (приведенный Котлерманом случай был далеко не единственным), от многочисленных незарегистрированных молельных домов до «легальных» резников, в открытую работавших на базарах «заготовителями пера». Опубликованное собрание писем — весомый «кирпичик» в фундамент историографии «теневого» советской повседневности.

Завершает сборник статья *Александра Френкеля* (Санкт-Петербург) «Запрещалась ли “Кровавая шутка” в СССР? К истории “необыкновенного романа” Шолом-Алейхема». Перипетии создания и публикации не самого известного произведения национального классика — вот уж, казалось бы, частная тема. Однако именно здесь

окончательно проясняется интенция составителей «Советской генизы». На первый взгляд, речь идет об истории литературы, но на самом деле — о политике советской власти в «еврейском вопросе» и о собственной «внутриеврейской» культурной политике, о том, как в результате разнонаправленных воль писателей, издателей, критиков, идеологов, пропагандистов формировался советский еврейский литературный канон, а значит — коллективный культурный багаж и самосознание советских евреев. Статья выглядит своего рода притчей о том, как в свете документов выглядят современные, часто мифологизированные представления о прошлом.

Зачин статьи такой: в 1988 г., в разгар перестройки, роман Шолом-Алейхема, навеянный печально знаменитым делом Бейлиса, был републикован московским журналом на идише «Советиш геймланд». Редакция журнала видела в этом своего рода протест против поднявшего голову черносотенства — общества «Память» и других подобных структур, но многие восприняли републикацию как часть процесса возвращения запрещенной литературы, охватившего тогда советские «толстые» журналы. Именно так — как недоступную ранее великую книгу — позиционировали роман и два коммерческих издательства, вскоре выпустившие его в русском переводе массовыми тиражами. Реклама сработала: ошибочное представление о «Кровавой шутке» как о произведении значительном, но «националистическом» и потому подпадавшем якобы под цензурные ограничения в СССР, сделалось общепринятым, что, в свою очередь, породило уже в наши дни поток сомнительных литературоведческих текстов, объявивших роман чуть ли не вершиной шолом-алейхемовского творчества. Между тем автор статьи убедительно доказывает, что никакого «идеологического зажима» романа в Советском Союзе не было, а его периферийное положение в наследии писателя определила еврейская критика, не без оснований считавшая «Шутку» творческой неудачей классика. И статья Френкеля, и прокомментированные им документы наглядно демонстрируют, как историческая реальность соотносится (очень странно соотносится!) с нынешними представлениями о ней.

В мире устойчивых стереотипов, точнее конкурирующих между собой систем стереотипных воззрений, уютно и неинтересно. Пафос «Советской генизы» не в том, чтобы дополнить и уточнить существующее «общее знание», а в том, чтобы с опорой на документы поставить его под сомнение, проблематизировать и в конце концов заменить другой, гораздо более сложно устроенной картиной прошлого. *Непрошенное* прошлое усилиями авторов и составителей сборника приходит к заинтересованному читателю, а что с ним теперь делать — отмахнуться или задуматься — это каждому предстоит решать самому.

«Всё не совсем так, как вы думали, если, конечно, вы вообще об этом думали» — так можно сформулировать девиз этой содержательной и красиво изданной книги. Пожелаем ей продолжения.